

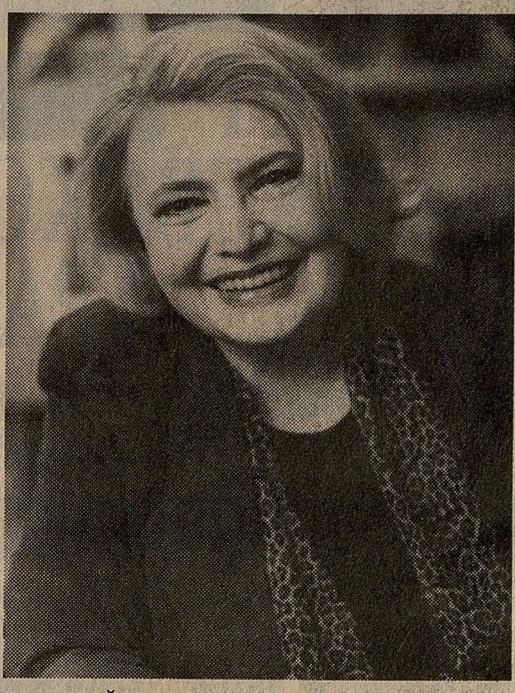
КРУГЛАЯ ДАТА

Труд. - 1998. - 28 окт. - с. 3

Татьяна Дороница:

БАНДИТ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ГЕРОЕМ

Столетие МХАТа, основанного К. Станиславским и В. Немировичем-Данченко, в эти дни празднуют два коллектива — МХАТ имени Чехова и МХАТ имени Горького. В последнее время мы не раз рассказывали о делах и планах «ефремовского» МХАТа. (Позавчера по телевидению далеко за полночь «вышла» демонстрация многочасового полуофициоза-полукапустника отсюда). Сегодня предоставляем слово художественному руководителю МХАТа имени Горького, народной артистке СССР Татьяне Доронице. Традиционному интервью Татьяна Васильевна предпочла письменные ответы на вопросы редакции. Так родилась эта публикация.

— Татьяна Васильевна, насколько идеи Станиславского и Немировича-Данченко актуальны сегодня? Судя по пустующим залам театров, число их сторонников, скажем мягко, не растёт...

— Прежде всего необходимо пояснить саму идею Художественного театра — она выражена как формула основоположниками МХАТа. Станиславский начертал: «Мы приняли на себя дело, имеющее не простой, частный, а общественный характер. Мы стремимся создать первый разумный, нравственный, общедоступный театр, и этой высокой цели мы посвящаем свою жизнь. Цель искусства переживания заключается в создании на сцене живой жизни человеческого духа и в отражении этой жизни в художественной сценической форме».

Обратите особое внимание на такие понятия, как «общественный», «нравственный», «разумный», «человеческий дух» и «художественная форма». Далее К.С. определяет то, что послужило первопричиной, толчком к протесту, что именно неприемлемо с точки зрения основоположников: «Программа начинающегося дела была революционна. Мы протестовали и против старой манеры игры, и против театральности, и против ложного пафоса, декламации, и против актерского наигрыша, и против дурных условий постановки, декораций, и против премьерства, которое портило ансамбль, и против всего строя спектаклей, и против ничтожного репертуара театров».

Специально привожу это и сосредоточиваю внимание читателей на том, что должен утверждать Художественный театр и чему противостоять, а это означает, что пытаемся утверждать мы и от чего бежим, как от чумы.

Время, названное «временем рынка», живет по законам выгоды. Что выгодно сегодня продать? То, что имеет спрос. Разве нравственность может иметь спрос в безнравственное время? Нет! И тогда дельцы от культуры в меру своих талантов или, что более типично сегодня, своей бездарности, начинают пускаться на продажу разврат, бесстыдство, безнаказанность воровства, убийства, развращение молодежи, неразборчивость в средствах достижения того «рая», который известен нам как рай капитализма. Прыжок из социалистической в капиталистическую формацию — это прыжок с шестом над пропастью: шест повисает в воздухе, ему не на что опереться. Обреченность этих безумных прыжков очевидна. Так же, как очевиден грех тех театральных деятелей, которые обрекают на хаос и беду своих зрителей, внушая им, что бандит может быть героем, проститутка — порядочной женщиной, что вор — это просто умный человек, а потерявшие человеческий облик отец и мать — достойны сострадания. Сострадания достойны брошенные старики и голодные дети, изуродованные и убитые молодые солдаты, брошенные в пекло огня из-за выгоды мерзавцев, которые наживают миллионы долларов на их жизни. Можно и нужно сострадать подлинным профессионалам в любой области, которые остались без работы и находятся в полной растерянности от абсурда происходящего.

Театр чернухи в «чернушное» время подобен тем капищам, в которых поклоняются дьяволу. Задача театра противоположна, он — воспитатель нравственности и духа.

Безвкусовые, громкие, наглые шоу, которые пропагандируются сегодня всеми средствами массовой информации, — это преступление перед страной, перед народом, перед людьми. Задача театра противоположна, она созидательна и гуманна. Именно к этому призывал К.С. Станиславский, определяя задачу МХАТа, и именно этому мы следуем. Это трудно сегодня. А сторонников этой идеи «не мало». Много! И их становится больше, а не меньше. Просто этого не хотят замечать, не хотят уважать свой народ, на него пролиют и смеются над его добротой, смиренностью и безропотностью. Смеются над его упованием на Бога! Это именно безнравственно. Это против разума. Это опасно. Пушкинское «народ безмолвствует» закончилось победой народа. Надо учиться «прочитывать» Пушкина, а не механически повторять гениальные стро-

ки. Надо знать свою историю, знать, что далее, благословленный Сергием Радонежским, то есть по воле Господа, русский народ, возглавляемый Мининым и Пожарским, воспрянул, объединился, изгнал врага.

— Некоторые заявляют, что нынешний русский психологический театр зашел в тупик, и поэтому ему на смену неизбежно приходит авангард. Так ли это?

— Оправдывать свое творческое бессилие и неумение общей фразой о конце психологического реалистического театра сегодня много охотников. Но фраза — это только лишь фраза.

Назовите мне хотя бы одного автора «авангардной» пьесы. Не назовете. Их нет. Если нет автора — нет театра. Беккет и Ионеско даже на Западе давно канули в вечность. Их не смотрят, их не играют. Устраивать условный спектакль по реалистической пьесе — абсурд и цинизм. Такие примеры существуют, но они оглушительно проваливаются, зритель не хочет разгадывать шарады.

Понятие «элитарной публики»

Театр чернухи в «чернушное» время подобен тем капищам, в которых поклоняются дьяволу. Задача театра противоположна, он — воспитатель нравственности и духа.

надуманно. Зрелище должно эмоционально воздействовать. Если зритель не подключен эмоционально, он чувствует себя обманутым. Умение «взять зрительный зал» дано немногим.

Так называемый «авангард» в лучшем случае озадачивает.

— Будучи актрисой, вы работали с такими большими режиссерами, как Георгий Товстоногов и Андрей Гончаров. Какой след они оставили в вашей творческой жизни и что вы взяли от них в художественном руководстве своим театром?

— Два величайших мастера, различных по индивидуальностям, по талантам, по творческим пристрастиям, имели и имеют одно общее — умение создавать образ времени. Создавать атмосферу, ауру, магию. Они понимали и понимают разницу «болевыми точками» Достоевского или Шекспира. Ведут актера к постижению глубинному, а не поверхностному. Режиссер в подлинном понимании этой профессии — создатель спектакля. У него все работают на одну тему: актер, художник, композитор. Товстоногов и Гончаров умели объединить общие усилия, направить, найти нерв вещи. Я счастлива, что мне довелось работать с ними. А что я усвоила от этого общения — лучше определить вам самим, посмотрев спектакли театра, которым руковожу. Невозможно равняться с ними, нужно пытаться быть ближе к ним, к их методу работы с актерами, к их самоотверженности. Кстати, Георгий Александрович Товстоногов в «авангардизме» замечен не был. Андрей Александрович Гончаров тоже не страдает, по моему, этой болезнью. Они — мастера!

— Считаете ли вы, что разделение МХАТа было объективной необходимостью? Или здесь сыграли роль некие злые силы, которым удалось убедить театральную общественность в том, что части артистов не место в первом театре страны? Кто от этого выиграл и кто проиграл?

— Никогда никому никакое «разделение» не шло на пользу — оно обессиливает, а не созидает. Объективной необходимости для разделения я не видела и не вижу, субъективного права Олега Ефремова работать с актерами, которые ему интересны, не отрицаю. Но для этого, мне кажется, ему нужно было создать новый театр, а не соглашаться руководить МХАТом, труппу которого он отлично знал. Ну а уж если пришел работать с этими именно индивидуальностями, то с ними и работай. Этого он не захотел, его мнение правительство уважило. Сегодня существуют два театра, каждый из них работает по-своему, разделяя нас многого. Не случившемуся следует относиться не как к частной драме. Актеров поставили перед фактом отторжения от родных стен. Многие журналисты нашли долгожданный предлог для издевательства. Над чем? Над кем? Глушление над «мхатовцами», которых не взял

Ефремов, закончилось плачевно для многих, которых так радовали чужие обиды. Количество отторженных и выгнанных из газет, с радио, телевидения — на сегодня тысячи. Может быть, защита отторженных актеров не создала бы прецедента, и тогда изгнание многих и многих из родных стен не было бы сегодня столь массовым?

Я не берусь судить о делах МХАТа имени Чехова, об этом вам лучше расскажет Олег Николаевич. Что касается МХАТа имени Горького, у нас за эти годы создан репертуар на большой и на малой сценах. Играем Горького, Чехова, Булгакова, Достоевского, Шекспира, Распутина, Радзинского, Розова. У нас мощная труппа, состоящая из мхатовцев разных поколений, мы воспитали целый отряд театральной молодежи, научили ее трудиться. А пересуды пора оставить. Надоело, да и бессмысленно. Мы работаем. Не надо мешать.

— Критика подчас называет МХАТ имени Горького «женским», имея в виду вас в роли руководителя коллектива. Не жалуете о том, что взвалили на свои плечи такую большую ответственность за судьбы многих творческих людей? И почему, на ваш взгляд, в нашем обществе по-прежнему с недоверием относятся к женщине-лидеру?

— Понятия «мужской» — «женский» пошловато звучат. Это для пьяной компании лентяев и бездарностей. А то, что я «взвалила», — это не точно. Меня выбрали тайным голосованием. Коллектив оказал мне эту честь, я стараюсь ее не терять. Общество относится к этому нормально, а если кому-то из пишущих или громко говорящих не нравится само понятие «реалистический театр» или наш репертуар, то это их сугубо личное мнение. Есть много театров, которыми руководят женщины. Почему театр Галины Волчек не назвать «женским «Современником»? Или они не считают Волчек женщиной? Или есть какая-то другая причина? Помоему, женщина-лидер — это нормально, это перспективно. Я верю, что именно за женщинами будущее.

— Судя по тем спектаклям, которые идут на вашей сцене, вы целенаправленно проводите идею возрождения национального театрального искусства. Как к этому относится зритель? Ведь телевидение, заполненное «мыльными операми», настраивает его совсем на другое...

— Зритель у нас замечательный: большой, средний и маленький. Мы даем утренники, и тогда в зале разноцветно одетые малыши. Приходят школьники, иногда шумные, мало приученные к драматическому действу. Но как они меняются, какие любопытные у них глаза, как они затаивают и как долго аплодируют! И наконец, главный, «большой» зритель. Они приходят к нам, любят, знают нас. Приносят цветы. Я радуюсь их сияющим глазам, их просветленным лицам. Когда кто-то «громко» нас обижает, они аплодируют особенно долго, не встают с мест и не бегут за пальто, стоят и аплодируют.

А к театральной прессе они, по моему, доверяя особенного не испытывают. Они имеют свое собственное мнение.

— Что вам дает надежду на будущее? И кого бы вы взяли с собой (из писателей, композиторов, режиссеров, артистов) в будущее столетие?

— Надежду дает вера в смысл того, что ты делаешь. Силу получаешь от зрителя, он компенсирует все внутренние затраты. А со мной и со всеми всегда будет русская классика. Люди всегда будут «забирать» в свои души Пушкина, Чайковского, Свиридова... Для всех будут звучать божественные голоса Ирины Архиповой и Дмитрия Хворостовского. Будет удивлять и поражать Илья Глазунов. А режиссеры и актеры состоятся только те, которые сумеют воссоздать «жизнь человеческого духа в художественных образах». Только такие интересны. Только такие всегда нужны.

27